

ЧЕХОВ В ВЕНГРИИ

I. 1889—1945 гг.

Обзор Марии Рев (Венгрия)^{1*}

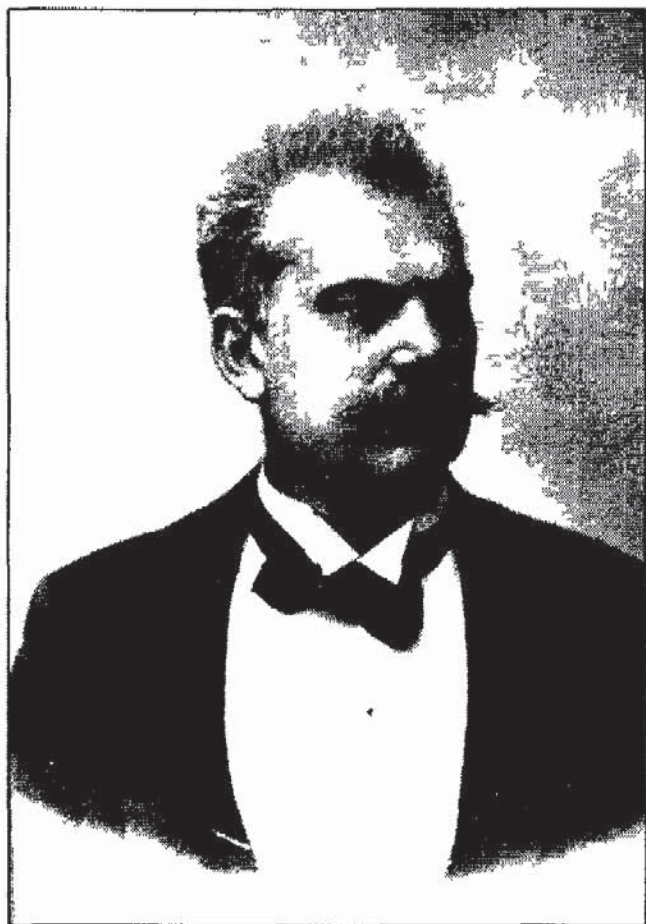
К концу XIX века русская литература была уже довольно известна в Венгрии: хорошо знали произведения Пушкина, прежде всего “Евгений Онегин”, Лермонтова, Гоголя, большой популярностью пользовался Тургенев. Если в середине XIX века венгерские переводчики в основном использовали немецкие и французские переводы, то к концу века выросла плеяда переводчиков, хорошо знающих русский язык. Благодаря этому венгерские тексты стали более соответствовать оригиналам, чему способствовало и прямое общение переводчиков с деятелями русской культуры.

Чехов почти незаметно вошел в венгерскую литературную жизнь¹. В газете “Pesti Hirlap” (Пештский вестник)^{2*} 18-го апреля 1889 г. был опубликован рассказ “Пари” (переводчик не указан). В редакции газеты были лучшие венгерские писатели, вначале Йокаи, Миксат, Круди, затем Мориц и Костолани. В следующем 1890 году уже появились в печати три рассказа: “Верочка”, “Событие” и “Учитель словесности”. “Верочка”, также в переводе неизвестного автора, была опубликована в литературной газете “Fővárosi Lapok” (“Столичные листы”). В газете печатались произведения европейской, в том числе и русской литературы. Рассказ “Событие” опубликован 2 ноября 1890 г. на страницах журнала “A Hét” (“Неделя”), № 44; его переводчиком был Дежё Амброзович. Это первый рассказ, подписанный именем переводчика. Журнал “A Hét” знакомил венгерскую публику с новыми достижениями западной, прежде всего французской литературы и, одновременно, стал одним из центров распространения русской литературы, в первую очередь новеллы. Нередко в книжке журнала оказывались рядом переводы новелл Мопассана и Чехова. Дежё Амброзович — один из самых видных переводчиков русской литературы, соредатор журнала по музыке. Автор новелл и стихотворений, Д.Амброзович как переводчик познакомил своих соотечественников с Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Толстым, Чеховым и Горьким.

К первым популяризаторам Чехова в Венгрии принадлежит также Эндре Сабо. В сборнике “Oroszországból” (“Из России”) в 1890 году он напечатал первую часть рассказа “Учитель словесности”, вышедшую в “Новом времени” в 1889 году. Э.Сабо обратил внимание на Чехова во время своего посещения России в 1889 году и, после возвращения, дополнил свои путевые заметки переводами нескольких произведений русских писателей. Э.Сабо много сделал для распространения русской литературы в Венгрии, в частности в качестве переводчика и составителя двух антологий русской поэзии².

^{1*} За помощь при подготовке раздела к изданию редакция приносит благодарность Яношу Цегледи (Будапешт.).

^{2*} Венгерские названия периодических изданий переводятся при первом упоминании.

ЭНДРЕ САБО
Фотография

В 1891 г. на венгерском языке было издано восемь новелл Чехова. Четыре из них появились в журнале "А Нёт" ("В рождественскую ночь", "Горе", "Кухарка женится", "Панихида"), без указания имени переводчика; три рассказа ("На пути", "Несчастье", "У предводительши") были напечатаны в газете "Fővárosi Lapok" также без имени переводчика³. Рассказ "Мечты" в переводе Шандора Шоймошши был напечатан в общественном и литературном еженедельнике "Magyar Szemle" ("Венгерское обозрение"); здесь же в переводе того же Шоймошши, под другим заглавием было напечатано еще раз "Горе"⁴. Шоймошши впоследствии стал известным этнографом, профессором университета в городе Сегеде, а затем и академиком. Он интересовался венгерскими народными сказками, легендами и их восточными связями.

В 1892 г. на страницах венгерских изданий появились три рассказа Чехова: "Раз в год" в журнале "А Нёт", снова без указания переводчика, "Враги", также без имени переводчика, в газете "Fővárosi Lapok", и рассказ "Без заглавия" в сборнике "Magyar Dekameron" ("Венгерский Декамерон". Вторая серия. Заграничные писатели. Сто рассказов ста писателей. Т. 1. Будапешт, 1892). Снова печатается в журнале "А Нёт" "Панихида", под другим заглавием и в другом переводе. Эндре Сабо переводит заново рассказ "Событие" для "Nőgyök Naplója 1893-га" (Вр., 1892) (Календарь для дам на 1893 год). В 1893 г. в журнале "А Нёт" появляется рассказ "Гусев"; его переводчик — Виктор Чольноки, сотрудник журнала, один из лучших венгерских новеллистов. Он назвал рассказ так: "Смерть матроса". В этом же году газета "Fővárosi Lapok" издает еще раз новеллу "Раз в год".

Таким образом, к тому времени, когда Э.Сабо в энциклопедии "Паллас" в 1893 г. написал о Чехове первую статью⁵, венгерская публика уже не раз встречала его имя в печати. В отличие от других русских писателей, вести о которых опередили распространение их произведений в периодической печати, Чехов стал известен сначала благодаря переводам его рассказов, которые сразу же стали частью литературной жизни Венгрии.

Статьи Э.Сабо в энциклопедии "Паллас" можно считать частями задуманной им, но не осуществленной истории русской литературы. Журнальные заметки быстро забывались, а энциклопедия была долго в поле зрения читающей публики, тем более, что энциклопедия "Реваи", изданная впоследствии, воспользовалась статьями Э.Сабо, обеспечив им долгую жизнь.

В архиве Чехова (РГБ) хранится письмо Э.Сабо к Чехову. Оно было впервые опубликовано в Венгрии Жужанной Зельдхейи, много сделавшей для популяризации русской литературы в нашей стране⁶. Письмо без даты, но по

содержанию его можно предполагать, что оно было написано, когда Э.Сабо готовил для энциклопедии “Паллас” статьи о русской литературе. Письмо написано на русском языке, с ошибками. В письме Э.Сабо просит Чехова прислать его сочинения для перевода и упоминает свой перевод рассказа “Тайный советник”⁷.

Ответное письмо Чехова к Э.Сабо не сохранилось, но в 1909 году, 16 июня в письме к В.Г.Короленко Сабо пишет: “Может быть, интересно будет Вам узнать, что у меня имеется одно письмо Антона Чехова, написанное ко мне в оное время. В то время я тоже справился у него насчет его биографии, и он мне ответил”⁸.

Неизвестно, прислал ли Чехов книги для перевода Э.Сабо и ответил ли ему венгерский литератор; не сохранилась и библиотека Э.Сабо. Только в одном интервью в 1918 году Сабо упоминает снова, что несколько русских писателей оказали ему помощь в освоении русского языка, в том числе и Чехов⁹.

В энциклопедии “Паллас” Э.Сабо пишет, в частности, об остроумии и здоровом юморе писателя и сопоставляет рассказы Чехова с очерками и рассказами Кальмана Миксата. Он считает, что короткие произведения Чехова создали автору “очень быстро большую популярность, и не только в России, но и за границей”. В статье упоминаются выпущенные к этому времени сборники чеховских рассказов, драма “Иванов” и одноактные пьесы — “драмолеты”.

Чехов вошел в литературную жизнь Венгрии в то время, когда короткие повествовательные жанры стали занимать в ней все большее место и появились такие замечательные мастера очерка и рассказа, как Иштван Тёмёркень, Золтан Тури и др. Интерес к рассказам молодого Чехова, вероятно, объясняется тем, что венгерские писатели, ищущие новые темы и новые формы, в Чехове нашли своего союзника и опирались на него, доказывая свое право на новые художественные приемы. Рассказы Чехова печатали охотно почти все органы венгерской прессы, даже те, которые придерживались консервативных литературных взглядов и резко осуждали наводнение журналов очерками и рассказами.

В сентябрьском номере журнала “Magyar Szalon” (“Венгерский салон”) за 1894 год появилась большая статья Якаба Челингариана “О современной русской литературе”. Этот журнал сыграл значительную роль в популяризации иностранной литературы в Венгрии. В 1890-е гг. выпускались книжки журнала, посвященные отдельным национальным литературам. Специальный русский номер был подготовлен в 1894 году, когда редакторы установили прямой контакт с некоторыми русскими писателями, в том числе с Толстым и Короленко. Статья Якаба Челингариана носит обзорный характер и освещает основные этапы развития русской литературы, начиная с XVIII века. Мировую известность новой русской литературе, пишет он, обеспечил Тургенев. Именно последователи Тургенева приобрели широкую популярность в Европе. В их числе — Боборыкин, Гаршин, Потапенко, Чехов и др. В этом номере “Венгерского салона” Чехов представлен рассказом “Страх” (без указания переводчика)¹⁰.

Первая специальная статья о Чехове была напечатана в этом же году 29 ноября в № 26 журнала “Külföld” (“За границей”), выходящем еженедельно и публикующем художественные произведения иностранных авторов. Редакторы журнала Ирен Черхалми и Атилла Геро.

Статья названа “Павлович Чехов” и иллюстрирована портретом писателя. Впервые венгерская публика имела возможность взглянуть в мягкие, при-

Előfizetési ára:

Egész évre --- Ft 10.-
Félévre --- " 5.-
Negyedévre --- " 2.50

Igen szívesen küldjük.

Bejelentés és kiadás helye:
Kispest, Szépirodalmi Hétlapi Hivatal.

KÜLFÖLD

SZÉPIRODALMI ÉS KRITIKAI HETILAP.

Megjelen minden csütörtökön.

Kéziratok megválaszolására nem vállalunk felelősséget, kivéve a szerkesztés általános elveitől.

Műveinket az előfizetők a kiadástól kezdve ingyen kapják meg.

Műveinket mindenki számára ingyen megkaphatja, ha a szerkesztéshez fordítja a szükséges költségeket.

Szerkesztik és kiadják: CSERHÁLMY H. IRÉN és GERŐ ATTILA.

Pavlovics Csehow.

Oroszország, a nagy hatalmas csári birodalom, mint valami mesebeli óriási börtön él a művelt nemzettek közudatában. Vaszilinesek tartják fogva földetartó parasztjait, a kik véres verejtékekkel dolgoznak, hogy fiaikat a csár-atyuska elvigye katonának és hogy a távol, tengerentúli, szűken tömött, lézongó országok munkásnépeinek olcsóbb legyen az, a miértük minden emberi jogok nélkül kioldják végig kínterhes életüket — a mindennapi kenyér.

S a míg e szerencsétlen nép sáma a havasokon vadászik és a poetikus posztákon a ringó kalászosok hullámzásába elmerülve, félva, reszketve szánt-rot s szokogja el pár órai pihe-nője körben fájdalommal telt népdalait, a nemzet egy-egy gondolkodó jobb módú fia, bejárja a nagy birodalmat, beutazza a művelt nemzetek országait, hogy szellemével küzdje ki azt, a mi nélkül nincs nemzet, mely megéljen, nincs nép, mely számot tegyen, — az istenség legdicsebb aján-dokát, a költők legfőbbeségebb eszméjét, a próféták legnagyobb gondolatát, a koronás királyok legszilárdabb trónját, az emberi-nem minden dicsőségét — a szabadságot.

Míg Oroszország lánglelkű poétái fenséges költészetekkel igyekeznek valódi nemzeté átgyúrni testvéreiket, az elbeszélők a nép lolkére beszélnek majd megható, majd humoros novelláikkal és a humoros írók egyik legkiválóbbja, Pavlovics Csehow.

Különös dolog, hogy a költő oroszok, a kik a lét borzalmaikat legjobban ismerik, becsülik az irodalomban a legjobbra azt, a mi az emberi élet minden változtatásán egy-egy perczen bearanyozhat derűjével félelmet, réttogást, izonyt és haldoklást, bárgyúságot és agyafurt garságot, a mi a legistenibb adomány a lelki megnyílásnak közt — a humort.

Mert az orvos Csehow első sorban humorista, bár nem a kacagató, hanem a csendes, borongó humor, a derűs ellentétek humorának a megfigyelője. Bár még csak 34 éves, de világlátott ember; beutazza Kínát, Ceylont, egész Európát, majd — a siberiai deportáltak helyzetét tanulmányozandó — az ázsiai orosz birodalmat is és a gazdag tapasztalatok, helyes megfigyelések eredményeképp tekinthetjük eddigi tíz évi irodalmi munkássága alatt megírt munkáit. Szabó Endre, a jeles költő, a kit Csehowhoz baráti viszony fűz, volt olyan szíves jellemzéshez egyotmást velünk közölni és úgy hisszük, hogy legjobban akkor világítjuk meg őt, midőn Szabó Endrével az orosz Mikszáthnak mondjuk.

Az orosz irodalmi világ a fiatal írók már 1888-ban a Puskin-féle nagy díjjal jutalmazta. Ő e kitüntetést minden tekintetben meg is érdemli, mert egyrészt, mint jeles moszkvai orvos, tudományával szolgálja a társadalmat, másrészt rendkívüli szorgalmat, mérsékelt rendkívüli szorgalmat,

mat fejt ki az irodalmi téren és úgy hisszük, ennek bizonyosságul elég, ha eddig megírt munkáinak címéit soroljuk fel, u. m. Pesztrije raskazy (Tarka elbeszélések), V szumerkah (Félhomályban), Raskazy (Elbeszélések), Himuryje ljudji (Sötét emberek), Duel (A párbaj, hosszabb elbeszélés), Kastanka (egy ilyen nevű kutya története, gyermekek számára), legújabbán Palata Nr. 6. (A 6-ik számú palota), Ivanov, vigjáték s több egyfelvonásos drámalet, melyeket mind jóízű humor jellemez.

A 80-as évek második felében kezdett írni az »Oszkolki« című humorisztikus lapba, a Peterburgszkaja Gazetába és a Novoje Vromjába; később átmélt a Szjevernyj Vjesznik című havi folyóirathoz, a hol nagyobb lélegzetű elbeszélései jelentek meg, minők: Satepj (Puszták), Ognji (Tűzek), Szukucsnaja Isztarija (Unalmas történet).

«ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ». ПЕРВАЯ СТАТЬЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЧЕХОВУ В ВЕНГРИИ

Журнал «Кюльфельд» («За границей»)

Будапешт, 29 ноября 1894 г.

влекательные черты русского писателя. Автор заметки неизвестен, но из слов его видно, что он был хорошо знаком с Э.Сабо. Он даже ссылается на то, что Э.Сабо связан дружескими узами с Чеховым, и — цитирую: “был настолько любезен, что сообщил нам кое-что для характеристики писателя, и нам тоже удастся лучше всего представить его, если мы — вместе с Эндре Сабо — сочтем его русским Миксатом”. В короткой заметке специальный абзац посвящен юмору Чехова: “Странное дело, что поэты-врачи, которые больше всего знакомы с ужасами бытия, очень высоко ставят в литературе то, что во всех перипетиях жизни может на минуту озолотить своим светом боязнь, страх, ужас и умирание, тупоумие и ухищренную подлость, то, что из всех душевных проявлений его самый божественный дар — юмор”.

Автор статьи восхищается тем, что, будучи врачом, писатель с исключительной прилежностью трудится в области литературы и удостоен Пушкинской премии. По сравнению с заметкой Э.Сабо сведения о литературной деятельности Чехова здесь дополнены — в частности, указанием на его сотрудничество в журнале “Северный вестник”, где были опубликованы “Степь”, “Огни”, “Скучная история”. С точки зрения судьбы чеховского наследия в Венгрии любопытно, что упоминается “Степь”, ибо это произведение вплоть до конца Второй мировой войны, когда интерес к русской культуре в Венгрии сильно возрос, не было переведено на венгерский язык.

Эта первая статья о Чехове, при всей своей краткости и некоторых неточностях, — добросовестный и доброжелательный отзыв, возбуждающий интерес к писателю, который становился все более известным в Венгрии. Примечательно определение специфики Чехова-художника: он наблюдатель “не разящего, а тихого, хмурого юмора, юмора светлых противоречий”. Впоследствии А.Блок в статье “О реалистах” (1907) также писал о “духе светлых противоречий” в чеховском искусстве, о том, что Чеховым владел “светлый дух”, несмотря на то, что “он бродил немало над пропастями русского искусства и русской жизни”¹¹.

После статьи неизвестного автора в журнале “Külföld” количество публикаций рассказов Чехова в венгерской прессе растет. В 1895 г. Э.Сабо издает “Володю” (под названием: “Гимназист”)¹². В новых переводах выходят: “Событие”, “Кухарка женится”, “Несчастье”, “Детвора”, “Верочка”. В 1896 г. напечатаны: “Ванька”, “Драма”, “Зиночка”, “Злоумышленник”, “Произведение искусства”, “Старость”, “Тоска”, “Устрицы”¹³.

Самое замечательное событие 1896 года — появление первой книги Чехова на венгерском языке — отдельное издание повести “Дуэль”. Рецензий на это произведение Чехова в периодической печати пока не найдено. Но в воспоминаниях о безвременно умершем от чахотки венгерском новеллисте Золтане Тури есть свидетельство о впечатлении, которое произвела на него эта повесть. Дочь Золтана Тури вспоминает: «один из молодых сотрудников газеты “Budapesti Napló” (“Будапештский дневник”) перевел на венгерский язык один из рассказов Чехова и показал его Золтану Тури. Это произведение ошеломило его, он был восхищен душевной близостью русского писателя к себе. Когда появилось венгерское издание романа Чехова “Дуэль”, Тури в течение нескольких дней носил его в своем кармане и время от времени читал. А молодого сотрудника “Budapesti Napló” спрашивал почти ежедневно, принес ли он новый перевод Чехова»¹⁴. Тут, безусловно, речь идет об Эндре Сабо: ведь он стал сотрудником газеты, которую только что начали издавать. Этот очевидный интерес к Чехову со стороны Золтана Тури знаменателен. Было что-то общее в их видении мира, в выборе тем, в сочувственном отношении к маленьким, обиженным людям, но также и в протесте против их покорности

FALUSI ASSZONYOK

ÉS

EGYÉB ELBESZÉLÉSEK.

1874

CSEHOV ANTAL.

FOORDOTTA

SZABÓ ENDRE.

BUDAPEST.

LAMPEL RÓBERT (WODIANER F. ÉS FIJA)

С. : КЧ. ВУВ. КОМУНИКАЦИОНАЛС МАДРА.

А. ЧЕХОВ. «БАБЫ» И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ.
ПЕРВЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕХОВА,
ИЗДАННЫЙ В ВЕНГРИИ
Будапешт, 1898 г.
Сост. и перевод Э.Сабо
Обложка

“Беда”, “Живая хронология”, “Мыслитель”, “Ночь на кладбище”, “Володя большой и Володя маленький”, “Ну, публика!”, “Отставной раб”, “Студент”, был переиздан также “Ванька”. Два последние рассказа были включены в сборник рассказов “Idegen világ. Rajzok és elbeszélések (Иностраннный мир. Очерки и рассказы)” вместе с рассказами П.Бурже, Сельмы Лагерлеф, Г.Д’Анунцио, Р.Киплинга, И.Потапенко (сборник издан в Будапеште).

В 1898 г. вышел первый сборник рассказов Чехова в серии “Magyar Könyvtár” (Венгерская библиотека). Составителем книги и переводчиком ее был Э.Сабо. Название книги «“Falusi asszonyok” és egyéb elbeszélések» («“Бабы” и другие рассказы»). Выход в свет этой книги принес издательству успех, и она была переиздана в 1924 г., затем в 1926 г. В сборник, кроме рассказа “Бабы”, вошли “Клевета”, “Шило в мешке” (из новых переводов), а из более ранних — “Ванька”, “Зиночка”, “Драма” и “Раз в год”. Рецензий на этот сборник не было. В 1898 году в печати появились также следующие рассказы: в газете “Országos Hírlap” (“Вестник страны”): “Беззаконие”, “В суде”, “Егерь”, “Нахлебники”, “На чужбине”, “Пересолил”, “Шило в мешке” (все переводы — Э.Сабо); в журнале “A Hét” — “Смерть чиновника” и “Хамелеон” (переводчик не указан) и в газете консервативного толка “Alkotmány” (“Конституция”) рассказ “Зеркало” (перевод М.Врабеля)¹⁶.

или отчаяния. Тури обнаруживает в так называемом маленьком человеке думающее, беспокойное существо. Он также, подобно Чехову, подробно останавливается на причинах, подготавливающих в душе героя перелом, и на созревании перелома, но также без излишней детализации. Влияние чеховского лиризма более всего сказалось в отдельных новеллах Тури, хотя в его произведениях заметны следы и французского натурализма. По словам венгерского писателя и переводчика Гезы Годе, в редакции газеты “Budapesti Napló” Золтана Тури называли венгерским Чеховым.

Значительным явлением была публикация в Венгрии перевода статьи Л.Толстого о Мопассане¹⁵, в которой Толстой высоко оценивает Мопассана-новеллиста. Это было три года спустя после смерти Мопассана, когда в Венгрии уже переводились рассказы Чехова на фоне не утихавших споров о малой прозе. Л.Толстой, подчеркивая специфику художественного изображения жизни в жанре рассказа, тем самым признавал объективную ценность новеллистического жанра.

В последующем 1897 г. в Венгрии было издано восемь не переведенных ранее рассказов Чехова:

В 1899 г. Дежё Амброзович составил и перевел новый сборник рассказов Чехова в серии “Дешевая библиотека”¹⁷. Сборник состоял из одиннадцати произведений 1886–1888 гг. Впервые на венгерском языке здесь появились: “Задача”, “Поцелуй”, “Пустой случай”, “Тиф”; второй раз: “Без заглавия”, “Пари”, “Враги”, “Мечты”; четвертый раз: “Событие” и “На пути”. В том вошел еще один коротенький рассказ, который назван “Слезы”, но среди сочинений Чехова не удалось найти рассказа с такими действующими лицами и с таким сюжетом (венгерские библиографы Ш.Козоча и Д.Радо считают, что это переделка сценки “Невидимые миру слезы”, но это не подтверждается текстом рассказа¹⁸).

В этом же году отдельным изданием в серии “Лучшие книги” появилась повесть “Моя жизнь” (перевод Кальмана Жатковича). К.Жаткович много сделал для распространения произведений Чехова, однако его переводы тогда еще не достигли уровня Э.Сабо и Д.Амброзовича. Тем не менее книга вызвала интерес, и потребовалось второе издание (1904).

В 1899 г. вышел “Тиф” в литературном еженедельнике “Ország-Világ” (“Страна и мир”), без указания переводчика¹⁹. Следует обратить внимание и на статью Гезы Петрашевича “О русской литературе и о ее переводчиках”²⁰. Автор работы восхищается русской литературой, противопоставляет ее западной, прежде всего, французской. Он считает, что русская литература усвоила тайны мастерства западной прозы, но вырвала из нее «“сеть нервов” и вместо нее вложила “теплоту своего сердца, веру, любовь и надежду, и все это облекла волшебным покровом мудрости и тихой задумчивостью развивающегося национального характера, который захватывает наше внимание, развлекает, учит, воспитывает, облагораживает сердце и возвышает дух». Критик упрекает венгров, что они недостаточно знают соседнюю страну и ее культуру. Петрашевич считает, что в этом повинны неумелые переводчики; высоко оценивает он только переводы Кароя Берци, Ивана Тимко, Эндре Сабо и Дежё Амброзовича. Статья заканчивается призывом тщательнее изучать русскую культуру. К числу наиболее известных современных русских писателей автор относит Толстого, Чехова и Потапенко.

В 1900 г. на страницах журнала “A Hét” были напечатаны “В родном углу” (в переводе Э.Сабо), а также “Знакомый мужчина”, “Каштанка”, “Попрыгунья” (без указания переводчика). В журнале “Ország-Világ” напечатаны: “В цирюльне”, “Гриша”, “Хороший конец”. Д.Амброзович переводит “Оратора” и “Сапожника и нечистую силу”. В № 32 журнала “Magyar Géniusz” (“Венгерский гений”) появился рассказ “Из записок вспыльчивого человека”.

В 1900 году вышла в свет большая статья Эдэна Вильднера о Чехове “Из жизни писателя” в газете “Egyetértés” (Согласие)²¹, официальном органе партии независимости. Эдэн Вильднер — писатель-социолог, переводчик, автор статей о Л.Толстом и русском романе. Сотрудничал в редакции общественно-политического журнала “Huszadik Század” (Двадцатый век). Среди его сотрудников находились передовые представители того времени, начиная со сторонников буржуазной демократии и вплоть до марксистов.

Как уже говорилось, венгерские читатели сначала познакомились с ранними произведениями молодого Чехова — с теми, которые в России критиковали К.Арсеньев и другие рецензенты. Можно предположить, что ввиду сильно выраженных традиций анекдотизма в венгерской литературе выбор не случайно пал на юмористику Чехова. В них можно обнаружить некоторое сходство с тяготением к анекдоту и жанровым картинам Йокаи, и еще в большей степени — Миксата. Э.Вильднер в своей статье уточняет определение Чехова как “русского Миксата”: “Правда, что некоторые черты Чехова

напоминают нам <...> счастливого писателя (Миксата. — *M.P.*), но в идеях, в красках, в настроении Чехов богаче Миксата; его стиль более утончен, он больше заботится о художественном совершенстве. В миниатюрах на двух–трех страницах он создает настоящие шедевры, полные таких тонкостей, как крохотные картины Мейсонье, и широкого юмора жанровых картин старых голландских живописцев”. О поэтической атмосфере чеховских произведений критик пишет: «Он музыкант теплого ветра, несущего запах сена и шумной грозы, а вместе с тем и наивной симфонии первой божественной любви, безудержной страсти и греха, дифирамбов, сжимающей сердца боли и траурного марша отчаяния. Но все это делается с удивительной объективностью, сам он не появляется ни на минуту. Сцены и картины, выхваченные из действительной жизни, предложены нам необыкновенно спокойно, просто и точно, они говорят сами, выделяются, захватывают нас, действуют на наше воображение, на наше этическое чувство; его фигуры не марионетки, в движениях которых всегда заметны следы дергающей руки “постановщика” <...> Его любимцы маленькие, слабые, надломленные пасынки судьбы, “пятые колеса”»; ими он занимается и в более малочисленных объемных произведениях. Заканчивается статья анализом “Дуэли”, “Моей жизни”, “Студента” — рассказа, который вызвал у критика размышления о своеобразии исторического пути России.

В этом же 1900 году в журнале “Új Idők” (“Новые времена”) перед новым переводом рассказа “То была она” напечатана заметка о Чехове²². И перевод, и заметка не были подписаны. Называя Чехова первоклассным мастером всемирного масштаба, анонимный автор пишет о способности художника характеризовать людей, о его наблюдательности и “непреднамеренном” стиле. “Он в одном лице философ, поэт, сатирик и юморист, его интересная и гармоничная писательская личность состоит <...> из этих гетерогенных элементов <...> проливая свет на самые затаенные уголки русской души”.

Из этих примеров видно, что в Венгрии к началу XX века Чехова знали довольно хорошо. Но настоящий подъем в освоении его творчества начинается с 1901 года.

Кальман Жаткович, который в это время как переводчик набирал силу, для серии “Лучшие книги” составил новый сборник Чехова: «“Мужики” и другие рассказы» (2-е изд. — в 1904 г., 3-е — в 1918 г.). Тут впервые появились на венгерском языке: “Мужики”, “Длинный язык”, “Аптекарьша”, “Орден”, “Отец”, а также водевиль “Медведь”, премьера которого состоялась в Венгерском Национальном театре в 1901 году. Из уже известных венгерскому читателю рассказов были помещены “Зиночка”, “Раз в год”, “Хороший конец”, “Без заглавия”, “Отставной раб”.

Перевод повести “Мужики” был сделан по тексту не “Русской мысли”, урезанному цензурой, а отдельного русского издания, где купюры были восстановлены. Венгерская публика, таким образом, сразу же познакомилась с полным текстом рассказа.

Анонимная рецензия на это издание, появившаяся в газете “Nagyváradí Napló”²³ (“Надьварадский дневник”), была в сущности аннотацией, популяризирующей этот том. Редактором газеты был литератор Дежё Фехер, из круга людей, близких поэту Эндре Ади. Сам Э.Ади вскоре стал сотрудником “Nagyváradí Napló” и, по всей вероятности, знакомство его с творчеством Чехова началось здесь. Рецензент пишет о “Мужиках”: «Автор рисует жизнь русских крестьян, русскую деревню так удивительно захватывающе, что читатель едва в состоянии прийти в себя от сильного впечатления. Этот рассказ — виртуозная работа большого художника. “Мужики” сохраняют свою

ценность в любую эпоху. В томе содержится еще десять беллетристических творений разной величины; они подобраны из числа самых удачных вещей Чехова».

В 1901 г. рассказы Чехова были напечатаны и в журнале “Magyar Géniusz”: “Беззащитное существо”, “Дорогая собака”, “Недоброе дело”, а в журнале “A Hét” — “Дорогие уроки”, “Рассказ госпожи NN”, “Хористка”²⁴. Венгерская библиография Козоча–Радо ошибочно относит к 1901 году и появление рассказа “Первый любовник”. Но он был опубликован в 1900 г.²⁵

Здесь необходимо указать и на то, что ценный библиографический труд Козоча–Радо учитывает в основном столичные журналы, причем с некоторыми неточностями; провинциальная же пресса просмотрена, видимо, очень выборочно.

Под руководством доцента И.Феньвеша в начале 1960-х гг. в Сегедском Педагогическом Институте была организована группа, изучающая венгерско-русские культурные связи. В результате была составлена новая библиография: “Русская и советская культура в сегедской прессе. 1890–1944”²⁶. По данным этой библиографии, рассказы “Тссс!..”, “Страдальцы”, “Переполах”, “Симулянты”, “Ночь на кладбище”, “Дочь Альбиона”, “Пьяные”, “Женское счастье”, “Дачники”, “Спать хочется”, “Мститель”, “Нервы” появились в печати сначала в городе Сегеде²⁷, а уж потом — в Будапеште. В архиве группы осталась не вполне использованной картотека журналов и газет, которая была передана автору настоящего обзора для установления неизвестных переводов произведений Чехова. Оказалось, что некоторые рассказы, указанные в библиографии Козоча–Радо как появившиеся в Венгрии впервые только после смерти Чехова (в 1912, 1924, 1925 гг.), были напечатаны на страницах периодической печати в Будапеште и Сегеде на рубеже двух столетий, в основном в первые годы XX века. Это — “Тайна”, “Роман с контрабасом”, “Лишние люди”, “Сапоги”, “Темнота”, “Страшная ночь”, “В почтовом отделении”, “Отец семейства”, “Неудача”, “Анюта”, “Бабье царство”, “Мечь”, “Хирургия”, “Альбом”, “Муж”, “Экзамен на чин”, “Письмо”, “Писатель”, “Антрепренер под диваном”, “Житейская мелочь”, “Винт”, “Загадочная натура”²⁸.

В некоторых случаях удалось внести уточнения и в добросовестно составленную библиографию И.Феньвеша. Оказалось, что “Симулянты”, “Дочь Альбиона”, “Дачники”, “Страдальцы”, “Мститель”, “Спать хочется”, “Переполах” и некоторые другие рассказы были изданы еще раньше, чем в городе Сегеде, в других городах²⁹.

Поэтому совсем не удивительно, что венгерский новеллист Виктор Чольноки в журнале “Magyar Géniusz” имел возможность дать пространную и конкретную оценку творчества Чехова уже в 1902 году³⁰. Чольноки восхищен мастерством Чехова: «Каждая русская новелла — это маленькая бомба, которая разрушает очередной общественный предрассудок, очередное суеверие: лучший пример этого — новеллист par excellence Антон Чехов. Он пишет крохотные, зачастую только на одну колонку, новеллы, очерки, но каждое из этих творений обрушивается на какое-нибудь предубеждение, на “изнаночные” явления современного общества. Его оружие тысячелико: насмешка, ирония, горечь, потрясение, запугивание, разоблачение или же выдвижение на первый план положительного примера, слезного сострадания — все это у него в руках, всем этим он пользуется с одинаковым успехом. Если не увидишь в нем тенденции, то удивишься, для чего же написано то, что ты только что прочел и что ты склонен счесть за безделицу. Но если в глаза тебе бросится тенденция, — в русских условиях, разумеется, часто очень скрытая, — тогда неожиданно раскроется перед тобой захватывающая и всеобъемлющая

сущность его юмора, или потрясающая сила его психологического анализа, или же беспощадность его любви к истине. И тогда откроется перед тобой пластичность его стиля... Без ярлыка, без лозунга, без бутафории делает он свою революцию и смеется над революционерами других народов, потому что знает, что единственным средством установления нового порядка является не тайный пароль, не вытатуированный на коже революционный знак, не что-то внешнее, а разум и истинная сущность намеченных дел».

В журнале "Magyar G6niusz" за 1902 г. писали не только о Чехове, но старались дать и широкую информацию о новых явлениях европейской литературы — о современной драме, о Верлене, Оскаре Уайльде, Артуре Шницлере, о Толстом и Горьком. В этом журнале были напечатаны и переводы двух рассказов Чехова: "Восклицательный знак" и "Недоброе дело". В номере 22 журнала "Magyar G6niusz" (6 июля 1902 года) была напечатана заметка о Максиме Горьком, за подписью Гедеона Тэрёка. Под этим именем скрывается, по всей вероятности, Эрне Ошват, редактор этого журнала и будущий редактор авторитетнейшего журнала первой половины XX века "Nyugat" ("Запад"), который сыграл исключительную роль в возрождении венгерской литературы. В заметке о Горьком есть строки о Чехове: "Чехов как художник более велик, но Горький более силен. Чехов видит больше, Горький смотрит глубже..."

В 1902 г., кроме указанных рассказов, в периодических изданиях ("A H6t", "Magyar Szemle" — "Венгерское обозрение", "Pesti Napl6" — "Пештский дневник") опубликованы: "Дама с собачкой", "Полинька", "Свирель", "Следователь", "Толстый и тонкий" и др.³¹ В газете "Budapesti Napl6" в 1902–1903 гг. напечатаны "Супруга", "Чтение (Рассказ старого воробья)", "Спекулянты", "Дамы", "Произведение искусства"³².

В 1903 году изданы три книги рассказов Чехова. Первый сборник называется "Грех", в него вошли "Беззаконие", "Дом с мезонином", "Попрыгунья", "Палата № 6"³³. Характерен выбор произведений: рядом с юмористическим рассказом — более сложные по содержанию рассказы и повести.

Другой сборник издан известным специалистом по творчеству Гёте и Петефи — Абелем Барабашем в серии "Венгерская библиотека"³⁴. Он жил в Трансильвании и до конца жизни преподавал курс литературы в унитарной гимназии в Коложваре (Клуже). Из русских классиков он переводил Тургенева и Чехова. В его книгу вошли в основном ранние рассказы Чехова: "Нервы", "Орден", "Пересолил", "Живая хронология", "Горе", "Ночь перед судом", "Панихида", "Кухарка женится" и др. В венгерской прессе отзывов о сборнике не было.

Третий сборник рассказов издан не в Будапеште, а в Ужгороде. Составитель и переводчик этой книги — Кальман Жаткович. Свою книгу он назвал "Пестрыми историями" и включил в нее рассказы, написанные Чеховым между 1883 и 1887 гг.: "Пассажир первого класса", "На чужбине", "Раз в год", "Детвора", "Зиночка", "Шило в мешке", "Драма" (рассказ 1887 года), "Орден", "Произведение искусства", "Дочь Альбиона", "Кухарка женится", "Смерть чиновника", "У предводительши", "Восклицательный знак", "Живая хронология", "Ну, публика". Книга, изящно оформленная, имела большой успех и в том же году была переиздана.

Рецензия на этот сборник, без подписи, появилась в еженедельном журнале "Orsz6g-Vil6g" 31 июля 1904 года³⁵, вскоре после того, как в венгерских газетах были напечатаны сообщения о смерти писателя. Рецензент представил публике книгу только что скончавшегося "всемирно известного" писателя. "В мировой литературе русские писатели вышли на авансцену, из них на

первом месте — Антон Чехов”, — писал он, восхищаясь его наблюдательностью, юмором и знанием людей. “Пестрые истории” достоверно рисуют русскую жизнь, в которой венгерский читатель узнает черты, сходные “со многими превратностями” своей жизни, и это волнует его — таков вывод критика. Переводы Жатковича, отмечает он, ничуть не потеряли красоты оригинала. Об этой же книге было сообщение, также с высокой оценкой перевода, в еженедельнике “Vasárnapi Újság” (“Воскресная газета”)³⁶, которое не упоминается ни в одной библиографии о Чехове.

В 1903 г. появилась также первая информация о драме “Чайка” (в журнале № 33 журнала “Jövendő” (“Будущее”), и 24 сентября состоялась премьера “Предложения” в “Vígyszínház” (“Театр Виг” — “Веселый”); премьера водевиля (перевод Акоша Пинтера), впрочем, особого успеха не имела.

Кроме рассказов, вошедших в названный выше сборник, в 1903 г. был напечатан еще рассказ “Лев и солнце”³⁷.

В 1904 г. Кальман Жаткович составил новый сборник рассказов Чехова под названием “Из русской жизни”. В книгу вошло тринадцать рассказов, из них впервые вышли на венгерском языке “Актерская гибель”, “Последняя могиканша”, “Шведская спичка”. Снова здесь появились: “Хамелеон”, “Клевета”, “Беззаконие”, “Зеркало”, “Старость”, “Пересолил”, “Горе”, “Нахлебники”, “Устрицы”, “Егерь”³⁸. Этот том показывает, какой живой интерес проявляла венгерская публика к произведениям русского писателя; ведь в течение двух лет это был уже пятый чеховский сборник на венгерском языке. Кроме того, в этом же году в переводе Имре Ивана выходит “Палата № 6” под названием “Сад бога” в серии “Лучших книг”, и в той же серии — второе издание “Моей жизни” (в переводе К.Жатковича).

Это означало, что венгерская публика на примере Чехова поняла, наконец, что малый жанр не препятствует постановке сложных философских вопросов общечеловеческого значения, и перестала считать его “низким” жанром.

В этом же году напечатаны еще “Счастливчик” и “Учитель”³⁹.

Необходимо обратить внимание и на то, что в разные годы несколько рассказов Чехова появились и на страницах венгерской рабочей печати, причем два из них, “В суде” и “Дамы”, — впервые⁴⁰. В газете “Népszava” (“Голос народа”) в течение полутора месяцев в каждом номере печатаются “Мужики”⁴¹, затем рассказ “Альбом”⁴². Эта же газета издается в Будапеште и на немецком языке, в ней печатается рассказ “Без заглавия”⁴³. Эти данные, установленные по картотеке группы Иштвана Феньвеша, показывают, что и столичная, и провинциальная пресса, журналы для интеллигенции и рабочие органы одинаково охотно публиковали произведения Чехова, которые постепенно становились частью культурной жизни Венгрии. Знаменательно, что еще при жизни писателя 12 книг его сочинений увидели свет на венгерском языке.

Рассказы Чехова и других русских писателей способствовали развитию современной венгерской прозы, которая в это время испытывала на себе влияние Мопассана и Золя. Но Чехов был венграм ближе, его критика была лишена беспристрастности и беспощадности Мопассана. За насмешкой Чехова ощущалось скрытое сочувствие, убежденность в том, что в других условиях изображенные им жалкие люди могли бы стать иными.

Скорбь по случаю кончины Чехова выразили многие венгерские газеты и журналы. Четыре некролога были напечатаны в столичных органах, а два из них перепечатаны и в других журналах 1904 года. Один из некрологов (в журнале “A Hét”) принадлежит перу талантливого венгерского новеллиста Кароя Ловика⁴⁴, автора остросюжетных рассказов (быть может, поэтому, как

мы увидим, не все в чеховском искусстве было доступно его пониманию). “На все, что он видел, — пишет венгерский автор, — он смотрел спокойно, чуть ли не с естественно-научной точки зрения, он разрабатывал тему, исходя из этого принципа, и описывал <жизнь> соответственно этому. Дисциплинированный мозг руководил дисциплинированным пером; красочный, но аккуратно-точный язык выражал холодные, ледяные мысли. Так коротко умеют писать только те, кто исписав множество бумаги, вычеркивают потом три четверти написанного. Так просто умеют мыслить только те, кто днем и ночью заставляет работать мозг свой, чтобы разбрасывая тысячи сверкающих выводов, остановиться именно там, где приближается граница общих мест”. “Как сочинитель новелл Чехов был ведущим писателем. Свои истории он строил с удивительной ловкостью, настроение — как врожденный русский — он сразу угадывал, его характеристики точны, ясны как сверкающая молния на черных облаках”. Однако Ловик не понимал трагизма мелочей жизни, который давит на героев Чехова, и устремленности их к более красивой, содержательной жизни. Он не доволен тем, что “новеллы Чехова часто заканчиваются вопросительным знаком”. Ловик упрекает Чехова также за то, что он будто бы боится “строгих выводов”. Чехову, писал он, “нехватало беспощадной любви к правде, характерной для величайших писателей...” “...Несмотря на привязанность Чехова к реализму, в нем была и большая доля сентиментальности, — это выливается в создании настроения <...> Талант рассказчика он унаследовал от Гоголя, но исключил фантастичность и заменил ее психологизмом <...> Он учился психологизму у Достоевского <...> но смягчил его твердость гуманизмом и романтикой <...> Живость взял у Толстого вместе с приемом диалогов <...> без любви его к правде <...> В использовании тонких красок напоминает Тургенева <...> но более усиливает точность характеристик <...>”. И все же Чехов “был столпом русской литературы и учил тому, какой путь ведет к современной живой России из таинственного сумрачного мира Гоголя...”

В журнале “Színház és Élet” (“Театр и жизнь”) появился некролог за подписью “S”⁴⁵. Автор отдает дань русскому писателю, его необыкновенной духовной силе, с которой он стремился взять верх над своей болезнью. Он считает, что произведения Чехова завоевали мировую известность и славу, сохранив свой национальный характер. И подчеркивает, что “в серых тонах открывается перед читателем поэтическая сила, повествовательная прелесть, глубокая философия и политическая мудрость, одетые в простую внешность, это придает специфику писательской личности Чехова, отличную от всех выдающихся имен мировой литературы. Русский писатель возлагает разработку деталей на читателя, экспонируя только остов новеллы, этим бравурным, бесподобным приемом повествования создается совершенно новый вид поэтики рассказа”. Мало было тогда в Венгрии отзывов, которые настолько бы осмыслили творчество Чехова и старались уловить свойства его оригинальности и самостоятельности.

В журнале “Jövendő” вышел некролог известного журналиста и тонкого новеллиста начала XX века Дьюла Сини⁴⁶. Любопытно, что Сини, сам пишущий в основном в прозе, не говорит о рассказах Чехова, а прямо обращается к его драмам — к “Чайке” и “Трем сестрам”. Может быть, тут сказалась затаенная мечта венгерского писателя самому писать пьесы. Сини замечает, что и в Толстом, и в Чехове, и в Горьком живет стремление изобрести новые средства для драмы. В этом смысле все русские писатели — новаторы. Рассматривая развитие драмы, автор устанавливает, что “чем выше мыслитель, тем свободнее обращается он с структурой драмы. И пьесы Шекспира по сравне-

нию с античными драмами менее ритмичны”. Лучшим подтверждением для характеристики новой русской драмы венгерский рецензент считает пьесы Чехова. По его мнению, “Медведь” — удачная жанровая картина с сочным юмором, но не очень характерная для Чехова. Путь русского писателя в области драмы вел его к “Чайке” и “Трем сестрам”, и “критики склонны утверждать, что это углубление повредило Чехову <...> Бледный, грустный мир этих пьес проникает в суставы, в мозг человека, это что-то ужасное, безутешное”. Обе драмы приводят Сини к выводу: «Чехов иронически высмеивает общество <...> которое против воли писателя хочет казаться интересным <...> Скучно ли все это?.. Но ведь это же захватывает наше внимание. Можно привыкнуть <...> Правда, мы не согласны поверить, что жизнь <...> только резиньяция, что забытие и утешение занимает большую долю времени, а для горя и радости даны только редкие <...> секунды. Мы не согласны принять эту философию, выражающую “правду осеннего дождя”. Однако необходимо признать, что жизнь интересна и в таком одностороннем чеховском освещении. Ибо интересно и разрушение, опровержение идеалов <...> Может быть, русская земля будет родоначальником новой драмы, которая станет строить на месте разрушения». Эти строки дают первую самую подробную информацию о драмах Чехова в Венгрии до появления их переводов.

Еженедельник “*Vasárnapi Újság*” отдал дань творческому гению Чехова безымянным некрологом⁴⁷. В статье говорится о том, что Толстой, Чехов и Горький — самые выдающиеся явления современной русской литературы. Подобно Ловику, автор считает, что Чехов сумел объединить в своих сочинениях все достижения предыдущих писателей. Отдается первенство Чехову как прозаику, мастеру кратких новелл. В них “картины сами раскрываются; объяснение, изложение их глубокого смысла автор поручает читателю <...> Техника Чехова во многом напоминает стиль француза Мопассана точной архитектуроникой, сжатостью и умением все необходимое сказать при малословии, элегантности стиля”.

Вместе с интересом к Чехову-прозаику начинается новый расцвет венгерской прозы, современный этап ее развития. Тут следует указать не только на общность в темах, но и в стремлении к их воплощению. Рассказ победил, занял свое достойное место, и в этом феномене Чехов оказал помощь венгерским писателям, которые иногда и упрекали его за отсутствие “беспоощадности”, “глубины”, но все-таки именно благодаря ему освоили новые литературные приемы.

После смерти Чехова интерес к его произведениям еще более возрос. Симпатию к русскому писателю возбудили и некрологи, в которых с большим уважением говорилось о личности писателя⁴⁸.

В 1905 году появляются два новых сборника Чехова. Оба — в серии “Библиотека современных писателей”. Первый том называется “*A cicus*” (Котик) и содержит два рассказа: “Ионыч” и “Дом с мезонином”. Это первый перевод “Ионыча” на венгерский язык, а “Дом с мезонином” выходит второй раз, причем судя по транскрипции имен, можно полагать, что неизвестный переводчик пользовался немецким вариантом чеховского текста. Странно, что он разбивает “Дом с мезонином” на пять частей (у Чехова — четыре главы) и Мисюсь переводит известным у венгров ласкательным уменьшительным именем “Мици” (от “Маргариты”). Этим повествование как-то лишается своей поэтичности и даже получает чуть насмешливый оттенок. Второй сборник назван “*A szerelemről*” (О любви), в него входит три рассказа: “О любви”, “Несчастье”, “Крыжовник”. (“Несчастье” до этого было напечатано три раза, а другие два рассказа здесь впервые появились на венгерском языке

ке.) В этом же году появляется второе издание “Дуэли” в переводе Э.Сабо⁴⁹. В 1905 г. выходят в свет два тома рассказов русских писателей. Составителем и переводчиком первого — “Orosz elbeszélők tára. II” (Сборник русских новеллистов. II) был Д.Амброзович. Наряду с произведениями Горького, Баранцевича и др., в книгу вошли две новеллы Чехова: “Сапожник и нечистая сила” и “Мститель”, которые были уже известны венгерской публике по переводам в периодике.

Другой “Сборник русских новеллистов” появился в Ужгороде, тоже в 1905 г., в переводе Ивана Тимко. В этот том включены четыре произведения Чехова: “Красавицы”, “Актерская гибель”, “Следователь” и “Княгиня”; из них на венгерском языке впервые были здесь напечатаны “Княгиня” и “Красавицы”. В том же 1905 году вышли по-венгерски четыре рассказа: “Из огня да в полымя”, “Протекция”, “Унтер Пришибеев”, “Чтение (Рассказ старого воробья)”⁵⁰.

В начале 1900-х гг. Э.Сабо обратился к более объемным рассказам Чехова. В 1906 г. он подготовил на венгерском языке “Анну на шее”, в 1909 г. — “На подводе” и новый вариант “Дома с мезонином”⁵¹. По-видимому, предыдущие переводы этого значительного рассказа не удовлетворяли его (все они появились в журнале “A Hét”). Следует отметить, что Э.Сабо не перевел ни одной драмы Чехова, он вообще считал, что русское драматическое искусство намного отстает от повествовательного. Сабо даже прямо сказал, что “Чехов в своих драмах слабее, чем в рассказах”⁵². Это мнение разделяли многие литераторы Венгрии.

В эти годы в разных изданиях появляются переводы рассказов Чехова на венгерский язык, прежде не известных нашему читателю, — среди них “Супруга”, “В усадьбе”, “Шампанское”, “Господа обыватели”, “Печенег”⁵³. Перепечатываются и уже переведенные новеллы, но ни одной статьи, специально посвященной писателю, не появляется. Большим вниманием окружали тогда творчество “великого старца” Толстого и молодого Максима Горького. Эдён Вильднер, который в 1900 г. приветствовал Чехова, сейчас, сопоставив его с Горьким, считает, что оба русских писателя не достигают уровня Достоевского, Толстого и Тургенева: “Чехов — потому, что ставит перед собой менее серьезную цель, и поверхностнее, Горький — чуть лучше <...> но односторонен, менее образован и не имеет такого вкуса... Оба <как художники> менее ценны, ибо остаются лишь на уровне отрицания...”⁵⁴ Только газета “Budapesti Napló” помещает заметку будущего крупного венгерского поэта и прозаика Дежё Костолани, написанную под впечатлением двух коротеньких писем Чехова, помещенных в одном французском журнале. Костолани восхищен “неимоверным богатством духа” Чехова, открывшимся в этих письмах: “До этого разве изумлялись им? Прочитайте эти маленькие будничные трагедии, скрытые в письмах, и вы его полюбите”⁵⁵.

В 1910 г. печатается перевод повести Чехова “Рассказ неизвестного человека” в журнале “Görög Katholikus Szemle”, №№ 11–25. Однако повесть отдельным изданием не выходит. В том же году еженедельник “Szinjáték” (“Спектакль”) публикует в своем номере от 29 сентября отрывки из писем Чехова с отзывами о театре и о своих пьесах (подпись: “i—e”). По-видимому, подборка сделана на основе немецкого варианта. Отсюда — неточность перевода писем; есть в публикации и ошибочные и неточные датировки чеховских писем.

Все эти издания предсказывают нарастающий интерес к Чехову, хотя ни одной статьи по случаю его юбилея (пятидесятилетия со дня рождения) в венгерской прессе не появилось.

В 1911 г. выходит значительное теоретическое исследование молодого Дьердя Лукача “История развития современной драмы”⁵⁶. В этой книге автор наряду с современными драматургами важное место уделяет Чехову. Между прочим, он пишет, что “на Чехова действовала самая глубокая сторона конфликта, стержень борьбы: человек, который желает порвать со старым, с жадной протягивает руки к новому, но не может достичь его, падает и погибает. Но если у Гауптмана видна и борьба, то у Чехова — только падение <...> Драмы Чехова — самые тихие драмы современной литературы. В них почти нет движения, тина затягивает людей, один бьется сильнее, другой слабее; все равно они должны погибнуть. А катастрофы — где они есть — совсем гротескно неожиданны и наполнены случайностями. Внешняя жизнь этих людей полна случайностей, только конец необходим и точен...” Все происходящее в пьесах Чехова, по Лукачу, как бы стоит на одном месте, несмотря на множество тонких психологических изменений. Чехов только “уточняет”, “одухотворяет” натурализм: каждый человек у него в драме оказывается еще слабее и еще меньше, чем задумал автор и чем он мог стать в романе или новелле. Суждения Д.Лукача о Чехове довольно противоречивы, пожалуй, в них чувствуется предвзятость по отношению к русской драме, не достигшей, по его мнению, уровня прозы и лирики.

В 1912 г. труппа Ирены Фелд поставила “Чайку” в Дворцовом театре, но уровень спектакля настолько не удовлетворил публику, что его ни разу не повторили.

В этом же 1912 г. на книжном рынке появляется самый большой сборник рассказов Чехова (376 страниц) под названием «“Жена врача”¹ и другие рассказы»⁵⁷. В этом обширном издании — 29 рассказов Чехова, из них впервые на венгерском языке представлены “В номерах”, “Злой мальчик”, “Тина”, “У знакомых”. Подбор произведений довольно случаен, в расстановке рассказов нет ни хронологического, ни другого принципа. Но в сборник вошли шедевры, известные венгерскому читателю только по периодике: “Спать хочется”, “Дама с собачкой”, “Каштанка”, “Знакомый мужчина”. На этот выпуск откликнулся один из значительнейших критиков этого времени Аурел Карпати. Карпати, писатель с утонченным вкусом, высоко оценивает повествовательное искусство Чехова. Сравнивая его с Мопассаном, он пишет, что Мопассан акцентирует внимание на ужасе, на последствиях, на внешних проявлениях душевного конфликта, Чехов же создает целостную картину жизни. Это критик считает характерной чертой русской литературы: “Суггестивность русских книг именно в том, что они естественно сливаются с самой жизнью”⁵⁸. Карпати не восхищен подбором рассказов и убежден, что некоторые из них автор считал подходящими только для газетного подвала, но недостатки в подборе произведений, считает он, возмещаются, кроме “Попрыгуньи” и “Дамы с собачкой”, еще и “Каштанкой”, “Ванькой”, “Детворой”, “В почтовом отделении”, придающими серьезность и лирический тон всей книге.

В 1912 г. впервые печатаются по-венгерски “Драма на охоте” и “Черный монах”⁵⁹.

В 1910-е гг. больше переиздавали Чехова, чем изучали его. Отдельной книгой в переводе Михая Баллы выходит “Драма на охоте” (серия “Современная библиотека”, 1914). Но ссылки на Чехова в критике стали довольно часты. Отметим прежде всего некролог по случаю смерти венгерского новеллиста Иштвана Тёмёркеня (1917)⁶⁰. Автор некролога Эндрс Ади уже упоминал Чехова в 1903 году в статье “Íróemberké” (“Писателишки — человечки”)⁶¹.

¹ Такое заглавие дано в переводе рассказу “Попрыгунья”.

ДЯДЯ ВАНЯ

Будапешт, театр «Виг», 1920

Постановка Д Йоба

Елена Андреевна — Ф Гомбасэги, Соня — И Варшани

Литературный музей, Москва

Смысл его статьи: в венгерской литературе происходит наплыв посредственности, карлики-лилипуты нахально проникают во все органы и “одна новелла Горького, Чехова <...> рождает двадцать–тридцать венгерских новелл”.

Иштван Тёмёркенё писал очерки и новеллы, с специфическим колоритом южной Венгрии, но без особого внимания к композиции своих произведений. В статье, написанной в связи со смертью И.Тёмёркенё, Ади пишет о нем: “...искусством композиции он не владел <...> хотя он был настоящим писателем <...> В молодом задоре я даже ругал его, почему он не так велик, как Чехов или Горький. Однако Сегед не Москва... Он не венгерский Чехов, Горький или другой, но он ценный Тёмёркенё города Сегеда и всех венгров”⁶². Из этих слов видно, насколько Чехов стал популярен в Венгрии: его новеллы были высшей меркой новеллистического искусства.

Об этом свидетельствуют и размышления о “Скучной истории” одного из самых тонких венгерских писателей XX века Милана Фюшта⁶³ В рецензии

ТРИ СЕСТРЫ

Будапешт, театр «Виг», 1922

Постановка Д. Иоба

Маша — Ф. Гомбасэги, Ольга — И. Варшани, Ирина — М. Макаш

Литературный музей, Москва

уделяется особое внимание финалу повести: читателя, утверждает Фюшт, ошеломляют последние мысли автора записок, подведение им итогов жизни. Фюшт даже предполагает, что Чехов здесь предчувствует свою кончину. Отмечены моменты, характеризующие переживания героя, и особо — штрихи, которыми художник подчеркнул одиночество профессора. Фюшт пишет также об отношении героя к своей воспитаннице, о его привязанности к ней. Тонкий психологический анализ, глубокое знание человеческой души — все это позволяет рецензенту оценить повесть как шедевр мировой литературы (В тоне рецензии есть что-то, напоминающее более позднее эссе Томаса Манна о Чехове, где, кстати, есть сходные мысли о «Скудной истории».)

Как видим, Чехов-новеллист в Венгрии имел бóльший успех, чем Чехов-драматург. И все-таки наша публика постепенно знакомилась и с его пьесами. В 1920 г. столичный театр, существующий в первую очередь для развлечения, театр «Виг», поставил пьесу «Дядя Ваня» Переводчиком этой пьесы (с не-

мецкого текста) был главный режиссер театра Даниэль Йоб⁶⁴. Постановка не имела успеха, большинство критиков и зрителей не поняли пьесу. Критик Янош Фалуди неодобрительно отнесся к тому, что в пьесах Чехова конфликт происходит не между людьми, а “между человеком и действительностью, действительным миром”⁶⁵. Чехов, писал он, душу героев “хочет дать во всей полноте, как эпик”, интересующийся психологией. “Эпические средства не вмещаются естественно в драмы, и Чехов должен пользоваться примитивными средствами монологов и пространных признаний”. Вслед за Дьердем Лукачем Я.Фалуди пишет об “одухотворении натурализма” и о “тишине” в пьесах Чехова.

Дежё Костолани, поэт и человек исключительной культуры, в течение одной недели два раза откликнулся на этот спектакль⁶⁶. Первую статью он начинает с того, что необходимо развеять недоразумение: Чехова называют “очень милым писателем”, или “тонким писателем”, а он художник “бесподобный, он великан...” “Некоторые драматурги хотят отразить на бумаге волнующие истории жизни — и скучны, а Чехов рисует всегда подавляющую скуку, — и развлекает”. Первая статья заканчивается обращением к публике посмотреть эту пьесу. Во второй Костолани пишет, что редко можно увидеть в Будапеште пьесу, которая настолько сильно действует на человека. “Чехов не дает безнадежным мещанам ни веры, ни легкой авантюры, ни сказочных миллионов, а разоблачает их, показывает их такими, какие они есть на самом деле <...> по сути дела трагедия людей в том, что ничего не происходит. Они только хотели бы действовать, только мечтают, но напрасно. Это драмы без настоящей драмы, вечные драмы бессобытийности. В них движутся лишь чувства”. Кажется, этим высказыванием Костолани ближе подошел к пониманию пьес Чехова, и не повторяет уже избитые слова об отсутствии в его пьесах драматизма, тут ему помогло чутье художника. Костолани полюбил Чехова и впоследствии перевел с немецкого пьесу “Три сестры”.

Спустя два года после “Дяди Вани”, 14 октября 1922 г., в том же театре “Виг” состоялась новая премьера Чехова: “Три сестры”, в постановке Д.Йоба. Режиссер видел пьесу в Берлине в постановке Художественного театра под руководством Станиславского, и она тогда покорила его драматической новизной. Позже он вспоминал, что старался поставить спектакль такими же простыми и выразительными средствами⁶⁷. Но исполнительница роли Маши через двадцать пять лет говорила, что свою роль она играла тогда довольно патетически, соответственно духу времени: “...была как греческая богиня, носящая тяжелое бремя, амфору, наполненную слезами”⁶⁸.

Д.Костолани написал две статьи после премьеры. Первая, под заглавием “Csehov doktor úr” (“Господин доктор Чехов”), содержит довольно субъективные размышления о Чехове как о личности и о Чехове-диагносте в “Трех сестрах”⁶⁹. Во второй статье Д.Костолани пишет непосредственно о драме: “Сплошные символы. Ибо люди <...> не говорят так <...> внешняя событийность не движет пьесу, но она все-таки не новелла, не роман, а драма, где гений писателя принял на себя самое большое испытание, показав, что чувство надежный руководитель, безошибочный строитель, всюду и на сцене. Мы присутствовали на мессе, и ушли из театра с церковным благоговением”⁷⁰.

Другой известный венгерский поэт Арпад Тот в 1923 году перевел (опять с немецкого) пьесу “Иванов”, премьера была снова в театре “Виг”. Режиссером был тот же Д.Йоб, который приложил много усилий, чтобы раскрыть в героях тайну их души, — этим свойством он прославился в истории венгер-

ского театра. Но критика прежде всего отмечала игру актеров, их трактовку чеховских героев. О роли режиссера в венгерском театре тогда говорили еще мало⁷¹.

В том же 1923 г. были изданы в одной книжке повести “Моя жизнь” и “Скучная история”; на венгерский язык эти повести перевел Геза Года, по всей вероятности, используя немецкие переводы. (По нашим данным, это первое венгерское издание “Скучной истории”.)

Как видим, к середине 20-х годов в Венгрии стали проявлять одинаковый интерес к прозе и к драматургии Чехова. Правда, мастерство Чехова-рассказчика считается неоспоримым, а драматическое искусство пока получает одностороннее толкование, в духе “певца тоски” (что в это время, впрочем, не было чуждо европейскому восприятию пьес Чехова и отзывам советской критики).

В 1924 г. начинается выпуск большого пятитомного издания рассказов и повестей Чехова. Это — самое полное издание прозы Чехова до юбилейного собрания сочинений 1960 года. Фактическими составителями томов были Иштван Петерди и Режё Хонти, хотя их имена в этом качестве не обозначены. Вступление к первому тому написал Режё Хонти, а переводчиком был Иштван Петерди. Р.Хонти — выдающийся лингвист, литературовед, переводчик, много сделавший для популяризации русской литературы в Венгрии. И.Петерди — поэт и переводчик, сотрудник журнала “Nyugat”. Во время Первой мировой войны он провел в русском плену семь лет и, вернувшись, стал одним из лучших переводчиков русской прозы. Впоследствии был убит фашистами. Первый том получил название «“Kisértetes éjjel” és egyéb elbeszélések» («“Страшная ночь” и другие рассказы») и был выпущен издательством “Népszava” социал-демократической партии.

Хонти во вступительной статье знакомит читателя с основными моментами жизни Чехова, его сборниками и пьесами. “...Читающая публика, — пишет он, — только сейчас начинает осознавать его величину <...> в его рассказах охвачена вся Россия, за исключением аристократии...”⁷² Специальное внимание уделяет автор вступительной статьи детским и женским образам Чехова. “...детские новеллы, — пишет он, — самые прочувствованные и верно изображенные, пожалуй, во всей мировой литературе”. Его особенно трогает то, что дети у Чехова не говорят никогда на языке писателя и жесты их свойственны только детям (с. 12). О женских персонажах Чехова Хонти пишет, что в них нет чувственности героев Толстого, экзальтированности героинь Достоевского. Он считает, что “профессии врача Чехов обязан тем, что стал одним из самых объективных писателей” (с. 13–14). Чехов, пишет он, “не создавал себе жесткие рамки <...> ведь каждой преднамеренной теории грозит односторонность”. Но при отсутствии иллюзий “русская душа” писателя “оохранила его от пессимизма”: он “верит в человека, в разум, в призвание культуры” (с. 15–16).

В первом томе собрания сочинений Чехова в переводе Иштвана Петерди впервые появились на венгерском языке: “Брак по расчету”, “Брожение умов”, “В бане”, “В потемках”, “Жалобная книга”, “Заблудшие”, “Из дневника помощника бухгалтера”, “Интриги”, “Много бумаги”, “Не в духе”, “Необыкновенный”, “Репетитор”, “Сирена”, “Скорая помощь”, “Случай с классиком”, “Сонная одурь”, “Средство от запоя”, “Экзамен на чин”.

Осенью 1924 г. состоялась премьера “Вишневого сада” в переводе известного поэта Арпада Тота⁷³ (снова — с немецкого текста), на сцене театра “Виг”, в постановке того же Д.Йоба. Эта пьеса имела, пожалуй, самый большой успех после “Трех сестер”. Но трактовка пьесы в целом была мрачной и без комического начала, на которое рассчитывал автор.

В 1924 г. были опубликованы в одной изящно изданной книге “Мужики” и “Дом с мезонином” (книга называлась “Мужики”). Однако переводчик Иштван Рона допустил ряд неточностей, например, последний поэтический вопрос: “Мисюсь, где ты?” звучит: “Как ты живешь, Мисюсь?”

Второй том собрания сочинений Чехова вышел в 1925 г. под названием «“A fekete barát” és egyéb elbeszélések» («“Черный монах” и другие рассказы»). Переводчиком и, по всей вероятности, составителем этой книги был Режё Хонти. Впервые переведен рассказ “Скрипка Ротшильда”, остальные вещи появились в новых переводах, почти все это большие, сложные для перевода произведения Чехова, — такие как “Черный монах”, “Страх”, “Рассказ неизвестного человека”, “Хорошие люди”, “Бабье царство”, “Попрыгунья”. Критики писали, что в произведениях этого тома “заложены маленькие трагедии, а не громкие драмы больших душевных столкновений; потрясающие события, которые возникают в будничной жизни обыкновенных людей, но почти все они пропитаны юмором”⁷⁴.

Тотчас за вторым томом в 1925 г. выпускается третий: «“Idegen kenyéren” és egyéb elbeszélések» («“На чужбине” и другие рассказы»). Переводчиком и, вероятно, составителем этого сборника был Иштван Петерди. В томе — сорок один рассказ. Впервые напечатаны на венгерском языке: “Иван Матвеевич”, “Канитель”, “Кривое зеркало”, “Мальчики”, “Налим”, “На кладбище”, “Приданое”, “Свадьба”, “Умный дворник”. В критике об этом томе говорится: “Это ряд маленьких портретов <...> с французской легкостью, со свежими отточенными диалогами, с всегда остроумными поэмами. Им обеспечено особое место не только в русской литературе. Несмотря на это, эти новеллы чисто русские <...>, но гениальность писателя дала ему увидеть в личности всеобщее. Почти каждая вещь вызывает улыбку и хорошее настроение...”⁷⁵

За третьим томом издается и четвертый в том же 1925 г.: «“A koldus” és egyéb elbeszélések» («“Нищий” и другие рассказы»). Петерди в этот том поместил тридцать шесть произведений Чехова. Из них на венгерском языке впервые увидели свет: “Беглец”, “В Москве на Трубной площади”, “В сарае”, “Выигрышный билет”, “Лошадиная фамилия”, “Маска”, “Мертвое тело”, “Мороз”, “Накануне поста”, “На страстной неделе”, “Неосторожность”, “Regretium mobile”, “Происшествие”, “Сильные ощущения”, “Талант”, “Торжество победителя”, “Трагик”, “Упразднили!”, “Художество”, “Шуточка”. На эту книгу также откликнулась критика: безымянный рецензент считает, что “Чехов — настоящий классик русской новеллы. Его новеллы интересны, легки, коротки, но тем не менее очень емки, по технике напоминают Мопассана, но по своей глубине они ближе к Достоевскому. За легкой улыбкой скрывается горькая ирония, резиньяция”⁷⁶.

Из этих оценок видно, что, несмотря на интересные, порой свежие наблюдения, общая характеристика всегда возвращается к уже стереотипной фразе о русской грусти и резиньяции. В рецензии на “Мою жизнь” и “Скучную историю” критик Шандор Немет подчеркивает эти черты как свойственные русскому народу и отраженные Чеховым. Немет сравнивает мир Чехова с “Адом” Данте, и сводит его к теории о том, что все на свете “все равно”. Духом горечи и отчаяния веет от чеховского творчества, как от заунывной русской песни, заключает он⁷⁷.

Однако, с какой бы точки зрения ни рассматривали Чехова, его читают, книги покупают, он становится одним из популярнейших русских писателей в Венгрии. В 1926 г. выходит отдельное издание “Попрыгуньи” и “Бабьего царства” под общим названием “A lidérc” (“Кошмар”) (без имени переводчика), в 1927 г. — второе издание уже названного выше сборника «“Жена вра-

CSEHOV ANTAL
ÖSSZES ELBESZÉLŐ MŰVEI

OROSZ SZERZŐTŐL FORDITJAK
GYAGYOVSZKY EMIL
HONTI REZSŐ
PETERDI ISTVÁN

KÖNYVEDŐLI TELJES KIADÁS

III.

IDEGEN KENYÉREN
ÉS EGYÉB ELBESZÉLÉSEK

BUDAPEST, 1925

NÉPSZAVA-KÖNYVKERESKEDÉS KIADÁSA
VII, ERZSÉBET-KÖRUT 35

CSEHOV ANTAL

IDEGEN KENYÉREN
ÉS EGYÉB ELBESZÉLÉSEK

FORDITOTTA
PETERDI ISTVÁN

BUDAPEST, 1925

NÉPSZAVA-KÖNYVKERESKEDÉS KIADÁSA
VII, ERZSÉBET-KÖRUT 35

А ЧЕХОВ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Будапешт, 1925

Т. III «На чужбине» и другие рассказы

Сост. и перевод И. Петерди

Обложка и титульный лист

ча” (т.е. “Попрыгунья”) и другие рассказы» (см. примеч. 57) и завершающий, пятый том собрания сочинений Чехова («“A vizsgálóbíró” és egyéb elbeszélések» — «“Следователь” и другие рассказы»).

В пятый том вошли тридцать рассказов в переводе Иштвана Петерди. Из них впервые увидели свет на венгерском языке: “Агафья”, “Белолобый”, “Беспокойный гость”, “Ведьма”, “Весной”, “Мелюзга”, “Певчие”, “Старый дом”. В рождественском номере журнала “Literatura” за этот год книга уже рецензируется. Короткая заметка интересна тем, что в ней нет избитых фраз о русской душе и грусти, но есть оценка Чехова как прекрасного знатока действительности, “который блещет своей наблюдательностью. И все это выражается настолько просто и ясно в этих маленьких историях, что трудно найти подходящие слова”⁷⁸.

В 1928 г. в католическом еженедельнике “Élet” (“Жизнь”) журналист Ласло Берени опубликовал обстоятельную статью: “Чехов в русской литературе”⁷⁹. В некоторых фразах ощущается направление журнала (“Чехов, идя по широкой дороге веры, правды, любви к человеку, ищет счастье для русского народа”). В статье много неточностей (Антон Павлович указан как старший сын в семье, слова Григоровича приписаны Михайловскому), опечаток (начал печататься в “Осколках” в 1892 году); все это снижает уровень статьи, хотя симпатия критика к Чехову неоспорима и он в целом объективно оценивает

чеховские произведения, в том числе “Палату № 6”, “Мужики”, “Мою жизнь”, “Скучную историю”, “Рассказ неизвестного человека”, “На подводе” и юмористические миниатюры.

Имя Чехова в 20–30-е годы часто встречается в разных литературных эссе, в обзорах русской литературы. В трех изданиях в Будапеште выходит сборник статей Д.Мережковского, ставшего чрезвычайно популярным в нашей стране автором, — “Чехов и Горький” (1 и 2 издания в 1925 г., 3-е — в 1927 г.).

В 1930 году в составе сборника произведений Льва Толстого был напечатан и рассказ Чехова “Душечка”, а также отзывы Толстого об этом произведении⁸⁰.

В этом же году состоялась постановка “Чайки” в Филиале Национального театра в Будапеште, режиссером был Шандор Хевеши. Спектакль был, пожалуй, осуществлен в традициях Московского Художественного театра, с вниманием к психологии героев. Перед этим, когда МХТ приезжал к нам в Будапешт, Костолани рецензировал русские спектакли: “Вишневый сад”, “Женитьбу”, “Село Степанчиково” (1925), “Дядю Ваню”, “Живой труп”, “Власть тьмы”, “На дне” (1929). Теперь он высоко оценивает постановку “Чайки” и замечает: герои “постоянно вздыхают, жалуются, как грустно и скучно жить. Плачут и зевают. Зрители плачут, но не зевают”⁸¹. Известный критик Аладар Шёпфлин в журнале “Nyugat” также подчеркивает лиризм пьесы, ссылаясь на русское настроение и меланхолию⁸². Дьёрдь Балинт, известный публицист и лево настроенный критик, 21 января 1943 года погибший во время войны в России, писал, что в спектакле “тонкость, напоминающая гравюру лиры, и описание среды заменяет сложное действие”⁸³. Вообще же спектакль был встречен довольно холодно.

Однако, критика этого спектакля в печати заставила людей читать Чехова. Перед мировой войной это была наиболее яркая вспышка эстетических переживаний венгров, когда в центре дискуссий стоял русский писатель. В этот период в Венгрии сокращается издание русских книг, популяризация русской классики, с ее гуманистическими идеями, была не по духу правящим кругам. Из произведений Чехова в 1935 году еще раз вышла только “Драма на охоте” в серии “Всемирная библиотека” (перевод Имре Горога). Это была последняя большая книга Чехова, изданная в довоенной Венгрии.

Известный мемуарный очерк М.Горького о Чехове появился в Москве в журнале венгерской эмиграции “Új Hang” (“Новый голос”), 1940, № 3. Р. 65–70. Тогда же в Клузе в журнале “Korunk” (“Наша эпоха”), р. 373–375, Йожеф Мелиус написал очень теплую статью к 80-летию со дня рождения Чехова. Поэт, писатель, критик, он был редактором журнала с 1934 года, а впоследствии одним из ведущих организаторов передовой венгерской и социалистической литературы в Трансильвании. Мало было органов печати, где как в указанном журнале появлялось бы столько сообщений о передовом русском, советском искусстве, в том числе об Эренбурге, о технике монтажа советского кино и т.д.

Й.Мелиус в своей статье сетует на то, что Европа забыла крупнейшего русского новеллиста, когда его широко чествуют на родине. Вспоминая горьковскую оценку Чехова, автор пишет о его роли в развитии мировой литературы. Мелиус сетует, что на венгерских сценах Чехов мало ставится, хотя зрители всегда его любили. Он цитирует строки Жана Ришара Блока в связи с постановкой “Чайки” Ж.Питоевым в Париже, в частности, его слова о том, что Чехов опередил Пиранделло и Шоу и является крупнейшим мастером театра XX века. (Другой отзыв Ж.-Р.Блока об этом спектакле см.: ЛН, т. 68.

С. 727.) Мелиус пишет, что Чехов страдал бы, “увидев сегодняшнюю Европу, ибо он всегда искал в человеке доброту и утешение”; вся статья пропитана горечью: в ней говорится о судьбе Чехова, но подразумевается судьба мира, культуры и Европы.

В 1943 году в Будапеште были изданы две маленькие книжки в серии “Развлекательных книг”: “Володя” (в переводе Францишки Билевиц) и “Шведская спичка” (в переводе Иштвана Боднара). Обе книги вышли с послесловием Иштвана Боднара, журналиста и переводчика, который был выслан из Братиславы за коммунистическую деятельность в студенческих организациях. В конце 30-х годов он поселился в Венгрии, но в 1943 г. был исключен из “Коллегии журналистов” за свои взгляды. По всей вероятности, именно тогда он обратился к произведениям Чехова. В кратком послесловии к рассказу “Володя” Боднар дал сжатую характеристику жизненного и творческого пути Чехова, перечислил все основные его сочинения на венгерском языке, бегло сопоставил Чехова с Мопассаном и сказал о воздействии русского писателя на венгерскую новеллистику. Но, пожалуй, самое замечательное, что в грозные военные годы он осмелился в этой статье процитировать слова Громова из “Палаты № 6”: “...воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и — на нашей улице будет праздник! Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Приветствую их от всей души и радуюсь... <их победе>. Вперед <...> друзья!” (Слова: “их победе” добавлены Боднаром от себя, чтобы выразить надежду на победу над фашизмом; в чеховской повести их нет — см. 8, 96.)

II. 1945–1980 гг.

Обзор Марии Рев и Каталин Шомло (Венгрия)

С 1945 года начались радикальные перемены в культурной жизни Венгрии. Широкому распространению русской и советской литературы способствовали новые отношения между нашими странами. Для послевоенного читателя, уже знавшего имена Л.Толстого, Достоевского, Чехова и Горького, именно Чехов стал одним из самых популярных зарубежных классиков. Его пьесы, начиная с 1947 года, почти в каждом сезоне ставятся на сценах театров.

Уже с начала 1945 года появляются публикации чеховских произведений и статьи о нем, содействующие популяризации творчества писателя. В феврале 1945 года в № 2 еженедельника Венгерской радикальной партии “Haladás” (“Прогресс”) под общим заглавием “Неизвестный Чехов” появились три маленьких фрагмента из юморески “И то и се. Поэзия и проза” (1-й, 4-й, 3-й)⁸⁴. Будапештская типография “Hungaria” (“Венгрия”) в том же году отдельным изданием опубликовала повесть “Мужики”.

Венгеро-Советское Общество культурных связей с самого начала своего существования заботилось об ознакомлении читателей с творчеством Чехова. В 1945 г. под редакцией Общества была издана книга с одноактными пьесами “Медведь”, “Юбилей”, “Свадьба”, “Предложение”, “Трагик поневоле” и “О вреде табака” (под заглавием: «“Медведь” и другие одноактные пьесы»)⁸⁵. Переводчиками пьес были Эндре Шик и Реже Хонти. Эндре Шик тогда жил в эмиграции в Советском Союзе и редактировал радиовещание для Венгрии, позже он стал министром иностранных дел Венгрии, и ушел на пенсию как председатель Венгерского Совета мира. Реже Хонти, переводчик высокой эрудиции, много сделал для распространения русской литературы в Венгрии.